

К вопросу о Двалах

<http://osetins.com/2008/02/10/k-voprosu-o-dvalakh-territoriya.html>

З. И. Ванев

Ущелья, примыкающие к центральной части Главного Кавказского хребта с севера и отчасти с юга (между Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогами), в исторической географии Грузии известны под названием Двалетия (страна двалов). Территория, расположенная в верховьях р. Большой Лиахви, у самого хребта, сохранила название Маграндвалети, что значит высокая Двалетия. У осетин эта местность называется Урстуалта, т. е. Белая Двалетия. В советское время они образовали Урстуальский сельсовет Юго-Осетинской автономной области.

В лингвистической литературе, относящейся к осетинскому языку, известно деление этого языка на три диалекта: иронский, дигорский и туальский. Известный осетиновед В. Ф. Миллер туальский считал подречием иронского диалекта и отождествлял с говором южных осетин. На самом деле в Южной Осетии нет единого, туальского говора, а есть тот же иронский диалект с двумя говорами: цокающим, почти тождественным с северо-иронским диалектом, и шокающим или Джавским.

В данном случае представляет интерес, однако, тот факт, что названия туалта (двалы) и туальский сохранились как в быту, так и в научной литературе. С давних времен держался взгляд, не подвергавшийся сомнению, что двалы — осетины. В научной литературе на такой точке зрения, между прочим, стояли такие компетентные авторы, как академики Г. С. Ахвледиани и К. Кекелидзе, И. Кипшидзе, М. Джанашивили и др. Мы не говорим о таких авторах, как В. Миллер, Б. Скитский и др., в своих трудах специально не ставивших целью исследование проблемы этногенеза двалов. «Осетины, частью огрузиневшие на южном склоне хребта... занимают область, известную в грузинской географии под названием Двалети. Северные осетины называют ее общим именем Туалта» — пишет В. Миллер. То же повторяет проф. Б. Скитский: «Южная Осетия в старой географии Грузии называлась Двалетия». На такой точке зрения стоял и пишущий эти строки. Эти авторы ограничивались общими замечаниями, не считая нужным распространяться, казалось бы о само собою подразумеваемом факте. Большой интерес представляют взгляды авторов, которые ставили перед собой вопрос о двалах. Из более ранних авторов нужно отметить Гюльденштедта и Клапрота, отождествляющих южных осетин и двалов. Из новых авторов особенного внимания заслуживают мнения акад. Г. С. Ахвледиани и акад. К. Кекелидзе.

По мнению Г. С. Ахвледиани, двалы были первой волной движения осетин с северной стороны хребта на южный склон его. За ними время от времени (до последнего века) следовали новые волны осетин, которые двалов отодвинули к западу, а частично, смешались с ними. Впоследствии в специальной статье «Исторические сведения о Двалетии и двалах» акад. Г. С. Ахвледиани, на основании сведений о двалах, содержащихся в «географии Грузии» Вахушти, в трудах Гюльденштедта и Клапрота, повторил свой взгляд на двалов. Он признал двальский язык диалектом осетинского языка. Наконец, в новейшей специальной «справке» о Двалетии и двалах он, полемизируя с проф. Д. Гвретишвили и В. Гамрекели отстаивает свой прежний взгляд на идентичность двалов и осетин. Академик К. Кекелидзе также считает двалов осетинами. По его словам, Николай Двали (XIV в.) был двалом, происходил из Двалетии или Осетии, Джавского ущелья, Большой Лиахви, выше Цхинвали из с. Цай. «Житие снятого Николая Двали» интересно тем, что дает сведения о христианизации и картлизации осетин.

В другом случае акад. Кекелидзе, считая, что в поэме «Шараф Наме» под «Дувалом» подразумевается Давид-Сослан, замечает: «двали ведь по-грузински тот же осетин». И. Кипшидзе в работе, посвященной литературному памятнику «Мученичество Николая Двали» (XIV в.), также называет двалов осетинским племенем. Следует отметить мнение Томашека, считающего, «неуверенно» двалов кавказским народом, имеющим собственный язык.

В новейшее время ряд авторов (Д. Гвретишвили, Е. Гамрекели, Г. Тогошвили) стали на точку зрения отрицания идентичности двалов и осетин, доказывая, что они этнически разные племена. Таким образом, вопрос об этнической принадлежности двалов стал спорным. Возникает необходимость обсуждения спора, сопоставления, аргументации сторон и обоснованного разрешения вопроса. Важно выяснить, насколько упомянутым авторам удалось опровергнуть традиционный взгляд, утверждающий идентичность двалов и осетин. Впервые взгляд, что двалы и осетины не один и тот же народ, высказал Д. Гвретишвили.

Одним из основных доказательств он приводит тот факт, что во многих источниках рядом упоминаются осетины и двалы, Осети и Двалети, из чего, по его мнению, следует, что они разные племена. Действительно, в источниках часто в перечне племен упоминаются осетины и двалы. Так, «Картлис цховреба» сообщает, что во времена царицы Тамары (1212 г.) «призвала царица атабага и всех горцев двалов, цхрадзмелов, мохевов, хаделов, цхаватов, чарталов, эрцотионелов... и направила против них». Монах Егнаташвили пишет, что царь Баграт заявил Темур-Ленгу: «Дай мне теперь множество воинов и пойду в свои томи и царства и соберу повинности с людей, находящихся в горных местностях: мтиулов, осетин, двалов, сванов, абхазцев и всех там проживающих». Царь Арчил писал; «Перешел в Двалетию, царицу оставил там и я прибыл в Имеретию, восемь месяцев был в Чхери и опять направился в Двалетию и оттуда перешел в Осетию и Пайком».

Все эти и другие известия, которые приводит Д. Гвретишвили, не могут служить достаточным основанием, что двалы и осетины разные племена. Например, из приведенного выше сообщения «Картлис цховреба» о том, что призвала царица атабага и всех горцев, в том числе «цхрадзмелов, мохевов, хосделов, цхаватов, чарталов, эрцотианелов»... не следует вывод, что эти группы населения были этнически различные племена. И двалы, и цхрадзмелы, и эрцо-тианелы и до. здесь отмечаются под своими местными названиями. По этому поводу акад. Г. С. Ахвледиани замечает: «Различение их (т. е. осетин и двалов), как различение общего (осетины) от частичного (двалы), не говорит за их различное происхождение. Мы ведь свободно говорим сегодня: «пришли имеретины, леххумцы», но мы не думаем противопоставить их друг другу».

Перечисление племенных групп под их местными названиями, несмотря на их этническую общность, очень часто имеет место в источниках. Например: в известной Армянской географии VII в. рядом упоминаются дигоры (западные осетины) и аланы (восточные осетины). Очевидно, дигоры здесь значатся под своим местным именем, из чего по следует, что дигоры и ироны (в географии аланы) не были части одного и того же племени.

Наиболее важной по полноте сообщаемых сведений о двалах является известная «География Грузин» царевича Вахушти. Интерпретация этого источника проф. Гвретишвили послужила главным основанием для его выводов. Здесь он ссылается на те места в «Географии» Вахушти, где осетины и двалы упоминаются рядом. В описании Большой Лиахви Вахушти пишет: «население в нем осетины, двалы». То же самое он повторяет о населении Трусос: «Обитатели — суть осетины, двалы». Совершенно ясно, что здесь «двалы» служат приложением к слову «осетины» и Д. Гвретишвили ошибочно находит здесь перечень разных племен. Если бы это было так, то Вахушти сказал бы: осетины и двалы. В другом месте Вахушти пишет: «В старину они (т. е. осетины) по вере были христианами и составляли паству никозели, главным же образом двалы». И здесь Вахушти считает, что в старину двалы были частью осетин.

Относительно соотношения Двалетии и Осетии мы читаем в «Географии»; «А Сванетия плодородием и скотом такова, как описанная нами Двалетия или Осетия». Важно отметить, что Вахушти одновременно упоминает рядом двалов и осетин своего времени. Он пишет: «Если овс или двал возвысится или разбогатеет, то он или женится на двух, трех женах, или строит башню, или убивает человека». Здесь Вахушти говорит об осетинах и двалах своего времени, но не подлежит сомнению, что в XVIII в., когда жил Вахушти, в Двалети жили те же осетины, потомки которых и теперь живут там. Приведенные выше высказывания Вахушти достаточно ясно говорят о том, что он считает двалов и осетин одного племенного происхождения.

Вес различие между двалами и осетинами Вахушти видит в их социальном положении: осетин считает аристократическим слоем, двалов — низшим. Перечислив знатнейшие фамилии осетин, Вахушти говорит: «После же опустошения Овсети (монголами) и вступления их (овсов) внутрь Кавказа стали называться — Овсетия Черкезией или Кабардой, а находящиеся в горах Кавказа по имени вступивших сюда (овсов) Овсетией, ибо и теперь знатнейших из них называют овсами, а прочих незнатных опять двалами». Еще ниже Вахушти пишет; «Народ двалов считается низшим». Здесь речь может идти не об отношениях зависимости двалов от осетин в правовом смысле в виду отсутствия в Осетии в тот период государственной организации, а об отношениях бытового характера. Нужно принять во внимание, что двальские фамилии имеют такое же произношение, как и осетинские аристократические фамилии, а обширная родовая группа Хетагуровых, имеющая свое происхождение от родоначальника кабардинских князей Инала, занимала самое почетное положение в северной Двалетии. О какой-либо зависимости двальских фамилий от других осетинских фамилий не может быть и речи. Однако дело в том, что как известно каждому, знакомому с бытом осетин, еще в недавнее время население ущелий Северной Осетии (Куртатинского, Тагаурского и

Алагирского) смотрело на всех двалов (по-осетински-туалта), как на низший разряд людей и относилось к ним с большим пренебрежением. По поводу вышеприведенных слов Вахушти, что «знатнейших из них и теперь называют осетинами, а остальных, незнатных, опять двалами», акад. Ахвледиани, отмечая, что здесь осетины противопоставляются лишь сословно, социально, говорит: «Никакого этнического противопоставления здесь не видим. Можно сказать даже больше, поскольку контекст показывает, что это сведение дано автором подчеркнуто, т. е. автор (Вахушти) сообщает нечто важное, он, нужно думать, не преминул бы указать на этническую разницу, если бы она была. Проф. Гврителишвили не обратил внимания на слово «опять» в выражении: «...называют опять двалами». Этим недвусмысленно указывается, что двалы, одно из осетинских племен, называвшиеся и прежде двалами, называются так и теперь, т. е. при Вахушти, когда они являются подпавшими под господство другого осетинского племени, пришедшего в Двалетию позднее. Относительно «сословных» отношений между двалами и осетинами мы сказали выше, но, помимо этого, в общем, приведенное суждение акад. Ахвледиани мы находим логически обоснованным. Решающее значение придает проф. Гврителишвили сообщению Вахушти об языке двалов. Вахушти пишет: «Язык у них старый, двальский и в настоящее время говорят на собственном осетинском, ибо язык черкесский иной».

Из приведенных слов Д. Гврителишвили делает вывод, что язык двалов принадлежал к черкесским языкам. Упоминание о черкесском языке у Вахушти читателю должно показаться неожиданным и непонятным, а вывод, делаемый Д. Гврителишвили, произвольным, ни на чем не обоснованным. Относительно упоминания черкесского языка В. Гамрекели и акад. Ахвледиани высказали правильное суждение, ставя его в связь с сообщением Вахушти о том, что после ухода овсов в горы, Осетия стала называться Черкезия или Кабарда.

Сообщению Вахушти об языке двалов, по нашему мнению, правильную интерпретацию дает Г. С. Ахвледиани. Он считает совершенно ясным: «что: 1) под старым, двальским, подразумевается язык первых, «старых» осетинских поселенцев в Грузии, в отличие от языка новых поселенцев, от «собственно осетинского», 2) старый, двальский — несамостоятельный язык; 3) и оба они (двальский и осетинский) противопоставляются черкесскому как иному». Точку зрения Г. С. Ахвледиани можно подкрепить рядом соображений.

1. Выражение «собственно» Овсетия или осетинский в отношении Двалетин, надо полагать, существовало как в быту, так и в литературе. Так, грузинская летопись сообщает, что когда в VI в. н. э. прекратилось царство (т. е. пала царская власть), в Картли усилилось влияние персов, захвативших также Албанию и Армению: и проникли они к кавказцам, соорудили они себе врата Овсети, одни большие врата в собственно (подчеркнуто нами. — З. В.) Овсети и четыре врата в Двалети и одни в Паргуане Дзурдзукетском». Противопоставление «собственно» Овсетии Двалетии предполагает, что Осетия в более широком смысле еще в VI в. охватывала и Двалети.

2. Далее следует обратить внимание на следующее место в «Географии» Вахушти, в котором дается определение языков и диалектов, существующих среди населения Грузии. Он говорит, что у имеретин, гурийцев, пшавов, хевсуров — грузинский язык, что у мегрелов — испорченный грузинский язык, а у сванов, абхазцев, кистин, галгаевцев и дзурдзуков собственные языки. А между тем о двалах Вахушти не говорит, что у них был собственный язык. Это дает основание полагать, что «старый, двальский» язык, как называет его Вахушти, не был особым языком, а диалектом осетинского языка.

3. Наконец, если двалы имели свой язык, то возникает вопрос о судьбе этого языка, как и когда прекратилось его существование. Авторы, отрицающие идентичность двалов и осетин (Гврителишвили, Гамрекели), объясняют конец языка двалов ассимиляцией двалов осетинами. Такая ассимиляция, если бы она имела место, по мнению этих авторов, могла быть после монгольских нашествий, окончательно после нашествия Тамерлана, когда, по словам Вахушти, овсы ушли в горы и покорили двалов. Но здесь возникают вопросы: сопровождался ли в действительности уход осетин в горы покорением двалов и возможна ли была ассимиляция при данных условиях.

На первый вопрос нужно сказать, что покорение одного племени другим предполагает наличие у победившего племени некоторой государственной организации, чего у осетин после распада осетинского царства и последовавшей после монголо-татарских нашествий политической дезорганизации в Осетии не было, не было той организационной силы, которая могла покорить двалов. В уходе Осетии в горы нужно видеть стихийное движение, последовавшее в результате истребительных ударов врага. В приведенных сообщениях Вахушти двалы, покоренное племя, противопоставляется осетинам, победившему племени. Казалось бы, здесь Вахушти отрицает этническое единство этих племен. На самом

деле это сообщение Вахушти говорит лишь о том, что тогда укоренилось представление о различии между двалами и осетинами. Что это так, в этом можно убедиться, ответив на поставленный выше второй вопрос — возможна ли была ассимиляция двалов осетинами после ухода их в горы и «покорения» двалов, как говорит Вахушти. Для ответа на этот вопрос, нужно исходить из того соображения, что для ассимиляции одного языка другим потребуется более или менее продолжительное совместное существование их на одной территории. В темных горных ущельях Двалети такое продолжительное существование представляется немыслимым. Ущелья эти и раньше были переполнены населением и прибывшие с равнины осетины не могли найти того простора, который был необходим для продолжительного существования двух племен. Стихийное движение неизбежно должно было перевалить через хребет на юг. Но допустим, что двалы имели особый язык и осетины их ассимилировали. Известно, что при скрещении двух языков победителем выходит один из них. В данном случае победителем, по мнению авторов, отстаивающих этническое различие между двалами и осетинами, был осетинский язык. Но известно и то, что при смешении двух языков сохраняются и следы побежденного языка, чего и в данном случае нет. Хорошо известно, что язык южных Осетин представляет собой говор северо-иронского диалекта осетинского языка и в нем нет никаких следов другого языка (если не считать наличие некоторого количества грузинских слов, употребляемых в местах, находящихся вблизи грузинских селений). Независимо от изложенного выше, должен возникнуть вопрос: на основании каких источников и языкового материала Вахушти мог утверждать, что двалы имели свой язык, отличный от осетинского? Чтобы сделать такой вывод, необходимо было предварительно произвести соответствующие лингвистические исследования. Таких исследований у Вахушти мы не видим. Самое большее, что мог он знать, это то, что в его время двалы говорили, по его словам, «на собственно осетинском языке», т. е. Вахушти мог констатировать лишь тот факт, что у двалов был не свой язык, а диалект осетинского языка. Вахушти не делает различия между двалами и осетинами и по происхождению. Описав ущелья Чми, Тагаурское, Куртатинское, Алагирское, Пайком, а за ним Дигорское (по словам акад. Ахвледиани, «весь осетинский мир»), он пишет; «А ущелья эти, описанные нами, вместе с Магран-Двалети составляют Двалети и, кроме того, население Диди Лиахви, Патара Лиахви, Конисхеви и Кударо тоже являются двалами, выселившимися из этой Двалети. Они едины с ними верой, обычаями и нравом и по сей день находятся с ними в родственных отношениях». К сожалению, Вахушти не говорит, когда произошло это переселение двалов. Если принять во внимание: 1) что южные осетины переселились не только из Двалети (северной), но, по фамильным преданиям, и из других ущелий Северной Осетии, 2) что южно-осетинские фамилии возводят свое происхождение к тем древним родам (Сидамоновых, Царазоновых, Агузовых, Кусагоновых и Цахиловых), от которых ведут свое происхождение северные осетины, 3) что и в северной и в южной Осетии имеются одни и те же фамилии, то это дает основание для заключения, что переселение южных осетин относится к отдаленным временам. Мы видели, что сведения «географии» Вахушти о двалах не отличаются ясностью, даже носят противоречивый характер, в некоторых случаях чувствуется недоговоренность, вследствие чего авторами дается различная интерпретация текстов, приводящая к разногласиям между ними. Все же на основании изложенного выше анализа этих сведений нужно сделать вывод, что попытка опровергнуть традиционный взгляд на идентичность двалов и осетин, предпринятая Д. Гврителишвили, оказывается безуспешной. Совершенно несостоятельным является его вывод, что язык двалов принадлежит к семье черкесских языков.

Монография В. Гамрекели «Двалы и Двалетия в I—XV в. в н. э.» исследует проблему этногенеза двалов в более развернутом плане, с привлечением, кроме «географии» Вахушти, и других исторических источников, — грузинских и античных. В основе труда от начала до конца лежит предвзятая тенденция — доказать, что осетинское население Ксани-Лиахви-Кударо XVI—XX вв. это не средневековые двалы, а иное, новое население, что двалы не осетины и не осетинского племени, а особая народность, коренное кавказское племя, родственное дзурдзукам, т. е. чечено-ингушам.

Для обоснования своих взглядов В. Гамрекели привлекает сообщения античных источников о двалах, скифах, сарматах, аланах и их отношениях к племенам Кавказа. Он приводит сведения Плиния о таллах и валлах, и Птолемея о уалах, видя в этих этнонимах наименование двалов. Последних видит он и в «Дивали», отмеченных в Пейтингеровой таблице (IV в. н. э.). О тождестве валлов и талов с двалами уже отмечалось в литературе. Томашек писал: «Валлов знает Плиний, помещая их к западу от Кавказских ворот в Гурдайских горах рядом со сванами. Птоломей неточно помещает этих валлов на северной стороне центрального Кавказа вместо южной стороны». Нет достаточных оснований возражать против

отождествления валлов-талов с двалами. О локализации этих племен Плинием и Птоломеем мы скажем ниже.

Здесь остановимся на понимании автором сведений античных авторов о скифах, сарматах, аланах и их связи с другими кавказскими племенами. Известно, что исследования по проблемам, относящимся к скифам, сарматам, аланам и кавказским племенам, а особенности в советское время, имеются большие достижения. На основании исторических, лингвистических, археологических данных достаточно прочно установлено, что скифы были родственными ираноязычными племенами. В. Гамрекели в своей монографии проходит мимо этих достижений, и, по-видимому, находится в плену ошибочной теории, согласно которой под собирательным именем сарматов нужно подразумевать не ираноязычные, а северо-кавказские, адыгейско-чечено-лзгинские племена. Исходя из такого представления о сарматах, В. Гамрекели все время противопоставляет их скифам и утверждает, что алано-скифское не сарматское племя. В таком аспекте следует у него тенденциозная интерпретация текстов античных писателей.

Наиболее сведущим, в частности, относительно Кавказа и кавказских племен, из античных географов был Страбон, поэтому особенно ценны сообщаемые им сведения. В. Гамрекели довольно широко привлекает эти сведения, но дает им превратное толкование и приходит к ложным выводам. Страбон пишет: «Диоскурида служит общим торговым центром для народов, живущих выше ее и вблизи. Сюда сходятся, говорят, семьдесят народностей, а по словам других писателей, несколько не заботящихся об истине, даже триста: все они говорят на родных языках, так как живут разбросанно, не вступая между собою в сношения вследствие самолюбия и дикости. Большая часть их принадлежит к сарматскому племени и все они называются кавказцами».

Казалось бы, не приходится возражать против того, что под выражением «большая часть их принадлежит к сарматскому племени» подразумевается этническое единство, а под выражением «и все они называются кавказцами» — единство географическое. Противоположное толкование приведенному тексту дает В. Гамрекели. «Употребление общего имени «кавказцы» говорит о причислении указанных племен к коренному населению Кавказа», утверждает он. Выходит, что Страбон уже предвосхитил современную теорию иберо-кавказских языков, чего никак нельзя сказать, ибо ни Страбон, ни другие античные авторы никакого понятия о кавказских языках не имели.

Для подтверждения своих выводов В. Гамрекели ссылается на другое сообщение Страбона, В. Гамрекели в описании Иберии последний говорит, что горную часть (Иберии) занимает воинственное большинство, в образе жизни сходное со скифами и сарматами, с которыми они находятся в соседстве и родстве». В. Гамрекели силится доказать, что выражение «с которыми они находятся в соседстве и родстве» относится к сарматам, а не к скифам, что такому пониманию не противоречат нормы синтаксиса. По словам В. Гамрекели, Страбон считал соседями и родственниками горцам Иверии одних сарматов и исключал при этом скифов. В итоге своих рассуждений В. Гамрекели делает заключение: «Кавказский хребет уже на грани старой и новой эр представлял собою «гору языков», был населен многими мелкими «народами», в большинстве принадлежащими к сарматам, являющимися собственно кавказскими народами, родственными горцам Иверии, т. е. грузинским или вейнахо-язычным племенам. Как видно, вся «концепция» В. Гамрекели основана на противопоставлении сарматов скифам и представляет полное исключение исторической действительности.

Прежде всего наш автор должен был задать себе вопрос, с какого времени и почему Северный Кавказ стал называться Сарматией, и тогда он мог бы знать установленные известные факты, а именно, что в период VII-III вв. до н. э. территория Северного Причерноморья называлась Скифией, что среди населения ее ясно выступает этнический элемент (подтверждаемый лингвистическим, археологическим материалом), что с конца IV в. до н. э. с востока от р. Дон происходит массовое движение многочисленных ираноязычных племен на запад от Дона и на Северный Кавказ, что истреблены, частью оттеснены к Черному морю сарматами. Сарматские племена (языги, роксоланы, аорсы, сираки, аланы) распространились на территории прежней Скифии и Северного Кавказа. В результате численного и политического преодоления сарматов территория Скифии со II в. до н. э. получила название Сарматия. Вся Сарматия делилась на две части; европейскую и азиатскую. К последней относился Северный Кавказ.

Исторические свидетельства (Геродота и др.) и лингвистические исследования в достаточной степени доказывают, что скифы и сарматы являются родственными ираноязычными племенами. Этот взгляд является господствующим в современной исторической науке. Не только исторические сведения (Плиний, Диодор и др.) и лингвистические исследования, но и советские археологи признают более бесспорным ираноязычие сарматов, чем ираноязычие скифов. В свете этой господствующей теории противопоставление

скифов и сарматов, упорно отстаиваемое В. Гамрекели и утверждение его, что аланы были скифами, а не сарматским племенем, является ошибочным.

Таким образом, скифы и сарматы являются родственными ираноязычными племенами, но из сообщения Страбона о родстве их с горцами Иверии, нужно сделать не тот вывод, который делает В. Гамрекели, а прямо ему противоположный: горцы Иверии были родственны ираноязычным скифам и сарматам, т. е. среди горцев Иверии был ираноязычный элемент. Сам Страбон в своем труде нигде не говорит, что ивсры были родственны сарматам Северного Кавказа. Напротив, он ясно различает их: «К югу (Кавказский хребет) отделяет Албанию и Иберию, а к северу — сарматские равнины».

Все сказанное выше дает основание для вывода, что двалы были то ираноязычное племя из числа обитавших в горах Грузии племен, которое, по Страбону, было родственно скифам и сарматам. Что всех горцев Иверии называют состоящими в родстве со скифами и сарматами, это нашему выводу не противоречит. Дело в том, что на рубеже нашей эры название Сарматия уже было в стадии перехода от этнического значения к географическому. Об языковом составе горцев Иверии Страбон ничего не знал и всех их назвал состоящими в родстве со скифами и сарматами. Если же он называет их ивсрами, то это название в данном случае нужно понимать в политико-географическом смысле.

В. Гамрекели приводит исторические сведения об аланах и трактует их в соответствии со своим взглядом на скифов и сарматов. Считая алан скифским, а не сарматским племенем, он утверждает, что в начале н. э. на Северном Кавказе аланов не было, а были сарматы. На самом деле эти сарматы были аланы. Сообщение Иосифа Флавия, локализирующего алан на Дону, вовсе не исключает присутствия тех на рубеже нашей эры и на Северном Кавказе, а, наоборот, предполагает это в виду географического положения его. Имеются и прямые свидетельства источников о присутствии алан на Северном Кавказе. Например, сообщение М. Хоренского о нашествии алан и иберов на Армению в I в., о чем повествует и грузинская хроника, называя союзников грузин осетинами.

По мнению В. Гамрекели, «известие Иосифа Флавия о нашествии алан на Мидию — Армению в 72 г. никак не дает основания локализовать алан во второй трети I в. н. э. в центральной части северо-кавказских степей». Он считает возможным нашествие алан на Мидию и Армению через Дербентский проход. Но, во-первых, сарматы-аланы распространились не только в центральной части Северного Кавказа, но и в западной и восточной. Во-вторых, если скифы совершили в VII в. до н. э. свое нашествие в Закавказье по побережью Каспийского моря (по Геродоту в 35—36 гг. н. э., во время войны иберского царя Фарсмана с парфянами, одна часть сарматов по Танаиду шла па помощь парфянам через Дербентский проход), то почему сарматы-аланы в 72 г. не могли идти тем же путем? Совершенно ясно, что источник возникающих недоразумений — усвоенный В. Гамрекели неправильный взгляд, что аланы и сарматы этнически ничего общего между собой не имеют.

Из грузинских источников В. Гамрекели в своем труде в первую очередь также приводит материал, содержащийся в географии Вахушти. Поскольку в своем труде он проводит ту же идею отрицания тождества осетин и двалов и те же доводы, которые высказал проф. Гвретишвили, не приходится повторять те возражения, которые выше были сделаны против последнего по ряду вопросов: относительно упоминания в источниках рядом двалов и осетин, об языке двалов, о возможности ассимиляции двалов осетинами и т. д. Остановимся лишь на некоторых отдельных высказываниях автора.

В своей «географии» Вахушти приводит легендарное предание о происхождении племен Кавказа, сохранившееся в грузинской хронике. Ссылаясь на это, В. Гамрекели делает вывод: «Следовательно, по представлению Вахушти, двалы более раннего и целиком южного происхождения, а осетины более позднего происхождения — в результате скрещения хазаров с племенами Закавказья и потомками Кавкасоса. Следовательно, между осетинами и двалами нет прямого генетического родства, эти два народа не связаны между собою общностью происхождения. Процессы генезиса этих двух различных народностей различны».

Однако из содержания легендарного сказания нисколько не следует сделанного В. Гамрекели вывода. В интересующей нас части легенду Вахушти передает так: «Страна сия, которую мы описываем {т. е. «Современная Осетия». — 3. В.), досталась в удел Кавкасосу, сыну Таргамоса... А Кавкасос, пришелец с юга, овладел страной от границы Лехана вплоть до Понтского моря вместе с северной от горы Кавказа равниной и через это стали называться: гора — Кавкасом, а равнина — Оси... А царь хазаров страну Кавкасионии отдал сыну своему Урбаносу и (также) пленников Картли и Сомхети. Он перебил потомков Кавкасоса и поселился тут с своими и с теми пленниками и назвал (страну) Овсети»...

Как видно из этого смутного повествования, Кавкасос, занявший Северный Кавказ, назвал степь его «Ос», царь хазарский страну Кавкасоса отдал сыну своему Урбаносу. и также пленников Картли и Сомхети, последний перебил потомков Кавкасоса и поселился тут с своими и с теми пленниками и назвал страну Овсети... Если это было так, то, казалось бы, население страны, названное Кавкасосом «Оси» и потом состоявшее из южных пленников, получившее опять название Овсети, также называлось овсами или осетинами, хотя частью имело южное (Закавказское) происхождение, и было аборигенным на равнинах Северного Кавказа.

Что касается двалов, то о таком племени в сказании не упоминается, говорится лишь о происхождении названия Двалетии. Об этом Вахушти пишет: «Дзурдзукос же, сын Тинена, превосходнейший из потомков, убежал в Кавказские горы, построил город и назвал его своим именем, и через это восточная от Арагвы часть до границы Лехетии стала называться Дзурдзукети, а западная от Арагвы, т. е. река Ломеки, а ныне Терги, которая из Хеви устремляется вовнутрь Кавказа, стала называться Двалетией, **именем хадзарским**, данным ей тем же Урбаносом». Как видно, название Двалети (а стало быть, название двалы) хазарского, т. е. северного происхождения. Спрашивается, как объяснить, что Урбанос дал горной полосе и западу от Терека название Двалетии? После истребления потомков Кавкасоса в горах укрылись по легенде «кавказиани» и дзурдзуки. По мнению В. Гамрекели, они, очевидно, были именно двалы, которые и дали название этой горной полосе. Однако, ведь еще при Кавкасосе равнина называлась «Ос». Урбанос назвал ее Овсетия. Следовательно, в этих канклсианах, укравшихся в горах, нужно видеть осетин. Если же Урбанос назвал их двалами, то это указывает на то, что осетины и двалы в легенде являлись одним и тем же племенем. Мы остановились на сведениях легенды, зафиксированной в грузинской хронике, не потому, что ее считаем источником исторического значения. Таким, конечно, она не является. Мы остановились на этой легенде для характеристики исследовательских приемов В. Гамрекели. Если Вахушти считается с нею, как с историческим источником, то это свидетельствует лишь о низком уровне исторической науки его времени. Между тем, В. Гамрекели, по-видимому, сам склонен считать описываемые в нем факты, соответствующими исторической действительности. Так, он утверждает: 1. «...За списной этнархов Картлоса, Эграсса, Бардоса, Лекоса и др. стоят реально-исторически существовавшие племена. Имя этнарха Кавкасоса служит этнонимом аборигенного населения центральной части Большого Кавказа». Нужно ли доказывать, что при решении этногенетических вопросов не следует опираться на легендарные предания. 2. В. Н. Гамрекели пишет: «У Вахушти соотношение между понятиями «Дигория» и «Тагаурия», с одной стороны, и «Осетией», с другой стороны, таково, как соотношение между частью с целым... В то же время он систематически противопоставляет или упоминает в одном ряду «двалы» и «осетины», «Двалетия» и «Осетия». Здесь В. Гамрекели упускает из виду, что Двалетия исторически находилась в сфере политического и культурного влияния Грузии, и это наложило известный отпечаток на ее быт и даже на язык, в результате чего в быту и в литературе прочно вошли в употребление местные названия «двалы» и «Двалетия». Мы выше отметили, что даже в настоящее время нередко противопоставляются северные и южные осетины, несмотря на общеизвестный факт общности их языка и культуры.

В устах царевича Вахушти, представителя царствующей в Грузии династии, противопоставление двалов и Двалетии осетинам и Осетии было естественным не только по существовавшим особенностям их быта, но, можно полагать, и по политическим мотивам.

Впрочем, в самой «Географии» Вахушти имеются указания на такую связь Осетин и Двалетии. В главе «Описание современной Осетии» дается описание Чими, Тагаурии, Куртаули, Валагири, Пайкоми и Двалетии (далее следует описание Дигории). Ясно, что перечисленные ущелья, в том числе Двалетия, по Вахушти, представляют как одно целое.

3. В той же главе Вахушти дает описание кисти, дзурдзуков и галгаевцев, что дало основание В. Гамрекели сделать вывод: «Этим Вахушти Багратиони еще раз подчеркнул генетическую взаимосвязь и общность древнейшего населения и территории, примыкающих непосредственно к ущелью Терека с Запада и Востока. Этим Вахушти Багратиони признает общность населения западных и восточных от Терека ущелий не только в далеком прошлом, но и в настоящем» (XVII—XVIII столетия. Подчеркнуто нами.— 3. В.).

По В. Гамрекели выходит, что этническая общность между двалами и чечено-ингушскими племенами (живущими к востоку от Терека) существовала еще в XVIII в., что и констатировал Вахушти. Выше мы уже указали, что не требует доказательства тот факт, что во времена Вахушти (XVIII в.) к западу от Терека обитали те же осетины-двалы, потомки которых и ныне живут там. Нет сомнения в том, что 14 родовых башен в сел. Тиб (в Северной Двалетии), которые в 1840 г. были взяты и разрушены царской военной

экспедицией, были построены предками нынешнего осетинского населения и не позже XVIII века. Утверждение В. Гамрекели, что Вахушти в описании современной ему Осетии еще раз подчеркнул генетическую взаимосвязь и общность племен, обитавших к западу и востоку от Терека, ни на чем не основано. О генетической связи этих племен здесь Вахушти ничего не говорит.

4. Относительно территориального распространения осетин В. Гамракели пишет: «Осетины в XIII в. поселились в Жинвани — верхний пояс р. Арагви, в Дманиси — южная Грузия; осетины встречаются в Гори, Триалети, внутренней Картли. В Никози, Цхипвали, Ачабети и выше по ущелью Лиахви они ни единый раз не упоминаются. А двалы занимают территорию верховьев Б. Лиахви. Следовательно, территориально осетины и двалы нигде не соприкасаются».

Если осетины в XIII в. оказываются даже в глубинных пунктах Грузии, то представляется невероятным, чтобы их не было на южных склонах Кавказского хребта, непосредственно примыкающих к Северной Осетии. Нетрудно понять, что за населением этих южных склонов исторически закрепилось название «двалы» и этим именем они обычно назывались и в быту и в литературе, что не значит, что этнически они не были связаны с осетинами.

В Н. Гамрекели ссылаются на фольклорный материал, фамильные предания некоторых осетинских фамилий, живущих в ущелье Большой Лиахви, собранных нами и указывающих, что эти фамилии выселились с севера в XV — XVI вв.

Фольклорные материалы должны быть приняты во внимание при решении исторических вопросов, хотя они не представляют значения исторического документа. В данном случае указанный выше фольклорный материал говорит лишь в пользу того взгляда, согласно которому миграция племен с севера через Кавказский хребет на юг с древних времен происходила неоднократно, что временами она принимала более или менее массовый характер. Поэтому естественно полагать, что после монголо-татарских нашествий усилился поток миграции осетин на юг.

Имеются и другие сведения фольклорного происхождения. По юго-осетинским преданиям на территории Юго-Осетии раньше жили царциаты (царциата). В ряде мест сохранились названия, связанные с царциатами (царциатская скала в с. Хвце, «Царциат-калак» в верховьях Б. Лиахви). Кто же были царциаты — осетинское или другое племя? Осетинские племенные или родственные названия имеют окончание им. падежа множ. числа — «та» (напр. Бадила, Тагиата, Джиота и т. д.). Названия других народов этого окончания не имеют, — напр, гуырды — грузины, касаг — кабардинцы, махъал — ингуши, цацан — чеченцы и т. д. Следовательно, окончание «та» в названии царциата дает основание для заключения, что царциаты были осетинское племя. Царциаты известны и в Северной Осетии. По словам Е. И. Крупнова огромный Кумбултский могильник (в Дигории, Северная Осетия) у местных жителей называется «царциат или стыр-царциат, т. е. обширные древности». Название указывает на то, что этот древний могильник принадлежит царциатам, т. е. осетинам. Судя по инвентарю этого могильника, его можно отнести к периоду не позже раннего средневековья. Таким образом, предание о царциатах подтверждает древность заселения осетинами территории горной Юго-Осетии.

По преданию, царциаты погибли каким-то катастрофическим образом, что сохранилось в осетинском языке выражение «царциаты диссагта» («царциатские чудеса»), указывающее на необычайность конца царциатов.

Что касается ссылки Гамрекели на В. И. Абаева, считающего, что поселение ксанских осетин произошло не так давно, примерно в последние 200 лет, следует принять во внимание, что многие фамилии Ксанского (ныне Ленинградского) района (Маргиевы, Плиевы, Хубуловы и др.) переселились сюда из ущелья Б. Лиахви. Тот же В. И. Абаев, в связи с сообщением Вахушти о том, что население ущелий Б. Лиахви и др. выселились из (северной) Двалетии, пишет: «Это утверждение Вахушти заслуживает полного доверия, но приходится допустить, что переселение произошло сравнительно давно, иначе трудно было объяснить те глубокие различия в фонетике, которые сейчас отделяют это наречие от северо-иронского диалекта, в том числе и от туалъского говора».

Таким образом, приведенные выше автором, у которых В. Н. Гамрекели ищет опоры для своих взглядов, на самом деле не дают основания для утверждения, что средневековые двалы не были осетинами. Как известно, топонимика является важным историческим источником, но она представляет собой арену, на которой очень часто встречаются самые разнообразные толкования топонимов. Поэтому при анализе топонимов исследователю необходимо проявить большую вдумчивость, и не спешить в своих выводах. Привлекая ряд топонимов Двалети из «Памятника эриставов» для обоснования своей концепции, В. Н. Гамрекели сознает все это и предупреждает, что при раскрытии им этимологии топонимов не надо заходить в

своих выводах слишком далеко, ибо топонимика — довольно таки ограниченный материал и раскрытие этимологии часто не может претендовать на достоверность и полную убедительность». Однако нельзя сказать, что сам автор строго придерживался этого правила, иногда он действительно заходит далеко, произвольно толкуя названия. Так, казалось бы, топоним «Магран Двалети» явно имеет грузинское происхождение, означая в переводе «Высокая (или верхняя) Двалетия». В отличие от верхних двалов в «Памятнике эриставов» упоминаются «нижние двалы». Несмотря на ясность топонима, В. Н. Гамрекели пытается связать его с киегино-чеченским языком, хотя впрочем в конце концов предпочтение отдается грузинской этимологии.

Та же местность Магран-Двалети по-осетински называется «Урстуалта» (Белая Двалетия). В «Памятнике эриставов» упоминаются «черные двалы». Следовательно, были известны «белые» и «черные» двалы. В. Н. Гамрекели опять и в этом случае дает топониму лезгиинско-кистинское происхождение. Название села Цунар связано с историей возникновения этого села. Начало ему положили проживающие и поныне там двальские фамилии — Бигулаевы, Мамисвы, Хасиевы, Хетагуровы, выселенцы из сел. Нар (Северная Осетия) и назвавшие его «Цуснар», что в переводе означает «малочисленный Нар». Мы считаем излишним искать другие пути образования этого топонима. Не считаем необходимым останавливаться и на других топонимах, которых В. Н. Гамрекели связывает с вейнахскими языками, ибо против того факта, что в Юго-Осетии есть топонимы, не объяснимые из иранских языков и происходящие из кавказского «субстрата», в частности имеющие соответствия в вейнахских языках, возражать не приходится. Это констатирует и известный лингвист В. И. Абаев, на которого ссылается и В. И. Гамрекели.

Однако, если В. И. Абаев говорит, что осетинские этнические термины — дигор, туал происходят из кавказского этнического мира, то разве из этого следует, что дигоры (а, следовательно, и двалы) — не осетины? В. И. Абаев нигде не утверждает, что двалы не были осетинами. Нужно иметь в виду, что вообще самоназвание племени может иметь происхождение из другого языкового мира, чему немало примеров. Очень часто топонимы сохраняются после того, как в данной местности население сменилось. В данном случае, на территории Двалетии частью сохранилась доиранская топонимика, происхождение которой нужно отнести к глубокой древности, к кавказскому «субстрату». В Юго-Осетии много топонимов грузинского происхождения, что является следствием многовекового политического и культурного влияния. Многие чисто осетинские топонимы подвергались искажению в грузинской транскрипции (напр. Сихта — Дамцвари, Кусджита — Кошки, Цру — Чриви, Саритата — Джавистави и др.).

В. Н. Гамрекели в своем труде широко использует материал о двалах, содержащийся в «Памятнике эриставов». «Памятник» начинается с повествования о переселении в Двалети младшего сына осетинского царя с 70-ю слугами. Двалы встретили переселенцев враждебно: «Не желаем сидящего в пашей стране царя, который бы съедал нас», говорили они. Когда же пришельцы стали строить крепость и такие большие дома, которые в Двалети не были, то двалы собрались и говорили: «Видите как искусно стали устраиваться эти овсы-цари. Хотя мы их наименовали Бибилурами, но такое наименование не скроет их родовитого происхождения (подчеркнуто нами — З. В.) и они по истечении малого времени овладеют всею нашею странюю. Двухглавую змею, пока выведет детенышей и расплодится, удалим из нашего чрева». Чтобы отвести эту опасность, двалы привели их в Цхрадзмисское ущелье. За боевую помощь, которую он оказал цхрадзмисцам, осаждавшим крепость Груви, Ростом в конце концов стал эриставом. В. Н. Гамрекели из приведенного сообщения делает вывод, что осетины и двалы этнически были различными племенами. Нет необходимости повторять уже сказанное выше, что противопоставление двалов и осетин здесь еще не говорит об этническом различии, что двалы выступают под исторически закрепленным за ними местным названием, что такое противопоставление северных осетин южным наблюдается часто в быту и в настоящее время.

В данном случае проявляется свойственный В. Н. Гамрекели существенный и в методологическом отношении недостаток — сводить общественные противоречия и борьбу к этнической основе, игнорируя, или по меньшей мере, недооценивая значение классовых противоречий. Ведь Ростом был царского происхождения, и двалы опасались именно их родовитости, опасались быть поработченными этой знатью. Тот же недостаток — игнорирование классовой основы общественной и политической борьбы сказывается и в дальнейшем изложении событий в XIII—XIV вв.

Другой источник — «Хронограф» описывает борьбу осетин с грузинским царем в Картли. В тот же период в начале XIV в. северные осетины во главе со своим вождем, по грузинской хронике — мтаваром, вели войну в Картли с царем Давидом VIII. Грузинские цари считали осетинских мтаваров своими вассалами, но мтавары этого не признавали. Пользуясь кризисом центральной власти в Картли, вызванном

борьбой между претендентами на царский престол, и затруднениями, которые испытывал царь Давид VIII, и побуждаемый тяжелым экономическим положением, в котором очутились осетины после нашествия монголов, осетинский мтавар Багатар повел против него борьбу, разорил Картли и Триалети и изгнал азнауров из их владений. Мтавар в этой борьбе опирался на монголов, против которых боролся Давид VIII. Как известно, империя Чингис-хана после него разделилась на отдельные ханства (улусы). Ближайшими к Кавказу из них были Золотая Орда на севере и государство иль-ханов на юге. До 1246 г. Грузия находилась в зависимости от Золотой Орды, а после этого отошла к иль-ханам. Грузия вела непрерывную борьбу против иль-ханов за свою независимость. В то же время шла борьба между Золотой Ордой и иль-ханами. В этой борьбе Золотая Орда старалась привлечь на свою сторону Грузию. В свою очередь картлийские цари поддерживали Золотую Орду в ее борьбе против иль-ханов. Царь Давид VIII вступил в соглашение с Золотой Ордой против иль-хана Газан-хана. Что касается Осетии (имеется в виду Северная Осетия), то она испытывала гнет со стороны Золотой Орды. Нашествие монголов было большим ударом для осетин. Под этим ударом и гнетом монголов они вынуждены были уходить в горы, где они оказались в тяжелом финансовом положении, заставлявшем их двигаться через перевал на юг.

Таким образом, в одном лагере оказались Картлийский царь и монголы Золотой Орды, в другом — осетинский иождь и иль-ханские монголы, т. е. внешнеполитическая ориентация Давида VIII и осетинского вождя были противоположны. Каково же было отношение двалов к этой борьбе? Эристав Ксанский был противником царя Давида VIII, будучи сторонником другого претендента на царский престол Вахтанга, и таким образом оказался в одном лагере с противником царя. Двалы не были в этом лагере и поддерживали Давида VIII, так как непосредственным классовым врагом их был эристав. В общем можно сказать, что классовые интересы двалов и интересы северных осетин в данное время не совпадали. Это еще не служит доказательством того, что двалы и осетины этнически были чужды друг другу. Это доказывает, что классовые интересы в общественных отношениях доминируют над этническими связями, что именно опять упускает из виду В. Гамрекели, который по своему обыкновению и в данном случае основу социальной экономической борьбы видит в этнических различиях.

К концу XIV в. политическая ситуация в Грузии меняется. Центральная власть укрепляется. Осетины изгоняются из Картли. В этой борьбе эристав уже находится на стороне царя. Эристав Виршель III предпринимает поход в Двалетию и разоряет ее. Царь со своей стороны объявляет двалов изменниками. Из этого следует вывод, что теперь двалы и осетины (северные) оказались в одном лагере против царя и эриставов.

Одно место в «Памятнике эриставов» особенно должно привлечь внимание исследователя. Виршель III, совершая поход для приведения в покорность двалов, прибыл в Трусо. Трусовцы вышли ему навстречу с изъявлением покорности и дарами. Вместе с тем они просили помочь им против их врагов из Мна. Эристав приказал жителям Мна предстать перед ним, но они не подчинились и послали сказать ему; «Не боимся тебя, не в силах ты вредить нам». Тогда Виршель осадил укрепления Мна, разрушил их и разгромил мнавцев. В сражении были убиты главари той страны: Сунгу, Пареджан, Амасаджан, Багатар и многие другие.

Кто же эти убитые «вожди той страны?» Двое из них хорошо известны; это осетинские мтавары того времени Пареджан и Багатар. Надо полагать, что и Сунгу и Амасаджан тоже были известны автору «Памятника» как осетинские вожди. Но достаточно и того, что осетинские мтавары Пареджан и Багатар в «Памятнике» называются вождями той страны, где произошло сражение и где они были убиты, т. е. Мна. Мна находится в Трусовском ущелье, существует и в настоящее время. Следовательно, осетинские мтавары Пареджан и Багатар были вождями и двалов Трусовского ущелья, которые, таким образом, считаются в «Памятнике» частью той страны», т. е. Осетии. Таким образом отпадает утверждение В. Н. Гамрекели, что «через все повествование «Памятника эриставов» сквозит полная разобщенность двалов и осетин, отсутствие каких-либо связей между ними».

Однако В. Н. Гамрекели дает свое толкование приведенному рассказу «Памятника». Он пишет: «Имена главарей мнавцев имеют явно и осетинский характер — облик»; из чего мы заключаем, что в Мна обитали осетины. Это вполне правдоподобно, так как Мна — северная окраина Грузии, почти граничащая с Осетией.

Вражда трусовцев, т. е. коренных жителей ущелья Трусо с мнавцами, тогда как Мна тоже относится к ущелью Трусо, находится в нижней его части, во-первых, и, во-вторых, описание хроники мнавцев, долженствующее передать их специфику, говорит о наличии какой-то существенной разницы между трусовцами и мнавцами. Мы понимаем эту разность как различие этническо-племенного характера.

Признав жителей Мна осетинами, эта вражда легко объяснима как вражда между коренным населением, аборигенами и переселенцами, уже обжившимися и укрепившимися на новом месте».

Натяжка в этих рассуждениях В. Гамрекели довольно ясна, ибо, во-первых, в разбираемом рассказе ничего не говорится о том, что «трусовцы» и мнавцы были различными племенами. Если бы мнавцы, по мнению В. Гамрекели, были осетинами, этнически отличившимися от «трусовцев», то последние в своей просьбе к Эриставству о помощи выражали бы это, сказав, чтобы он помог им в борьбе против их врагов — осетин в Мна. Это более чем вероятно.

Во-вторых, Мна находится в нижней части Трусовского ущелья, ниже находится Хеви (нынешний Казбекский район). И Трусовское ущелье и Хеви были частями Двалетии. Трудно предположить, что в одном пункте этой двалетской территории оказалось осетинское население, чуждое остальному населению Трусовского ущелья. Здесь опять оказываются имеющиеся у В. Гамрекели недостатки методологического характера — сводить социальную борьбу к племенным различиям. Почему не видеть причину борьбы между «трусовцам» и мнавцами, например, в земельных спорах (хотя бы за обладание пастбищами), нередко имевшими место между соседними горными общинами? Такое предположение является наиболее вероятным.

Окончательный удар наносит утверждению В. Н. Гамрекели, что двалы XIII—XIV вв. не были осетинами, открытая в 1957 г. в Трусовском ущелье (т. е. на территории Двалети) осетинская сирийско-несторианская надпись первой половины XIV в. (надпись датируется 1326 г., а по употребляемому несторианами селсвкидскому счету — 1637 г.). Надпись сделана на надгробном памятнике (по осетински — цырт), находившемся на заброшенном старом кладбище при впадении Шуатишидон в р. Терек. Памятник представляет собой конусообразную базальтовую стеллу высотой 133 см, шириной 29—35 см, и толщиной 20 см. Памятник сделан из местного материала и, следовательно, сделан здесь же, а не привезен откуда-нибудь.

Как единственно до сих пор обнаруженный памятник, свидетельствующий о существовании в центре Кавказских гор несторианства и несторианской письменности, представляет исключительный исторический интерес. Приведем текст надписи в чтении предварительно (но довольно тщательно) изучившего ее Г. Ф. Турчанинова.

Осетинский текст В переводе

1. hcawj x[цy]цауы бога (божий) и абиван
2. asgar агцъар Ван скончался
3. ama[r]di ama[r]ди Это
4. а А ему
5. jnn й[ы]н память
6. mishnq мыс[и]н[a]г и ради него сде-
7. jtkajin ish ы тха й[ы]н ыс лал я Хы-
8. kwtwn К ко[т]йтон Х[ы] лках
9. ljkcjh л ы къ ах Удрученный я если
10. khnkn dan Хъ[a] нг[ы]н дан Алаха –
11. aljka Ал (ы) хъа из
ja йа совых фамилий
12. ctj (m) mhhh цты[м]м[ы]гг[a]г 1000-400+20+10+7
13. at r k атрак (1637) года
14. jz azj из азы

Кроме надписи на лицевой стороне на памятнике есть еще на боковой стороне приписка мастера, тоже на осетинском языке, которая прочитана так;

1. jshpj И [o]c[e]пи Иосиф
2. crt jshj ц[ы]рт ыс[ы] надгробие я с
3. К к д
4. dtwn дтон] - елал]

Нельзя не согласиться с заключением Г. Ф. Турчанинова относительно надписи: «Сирийско-несторианская форма букв Трусовской надписи, — пишет он, — не может быть подвергнута сомнению

ввиду ее палеографической очевидности и не может быть признана случайной, т. к. алфавиты проникают к народам только в порядке культурно-исторических связей. Надпись написана потому, что были не только писцы-камнерезы, но и читатели. Утилитарность ее очевидна.

Время и пути проникновения несторианства в глубину Кавказа требуют специального исследования. Интерес к Трусовской надписи усугубляется ввиду того факта, что в средние века Двалетия (а следовательно и Трусо) находилась под религиозным и культурным влиянием. Грузии известны эти выходцы из Двалетии, которые вели религиозно-культурную работу. Таковы; мученик св. Николай Двали, монах Джврисского монастыря сын Парсмана, Иван Двали, переписавший житие архиепископа Василия Кесарийского и др. По-видимому «Двали» превратилось уже в то время в фамилию. Для нашей цели в данном случае важен самый факт наличия в 1-ой половине XIV в. осетинского населения на территории Двалетии, к которой относится Трусовское ущелье, документально засвидетельствованный. При этом, надо полагать, что пребывание осетин-двалов на этой территории относится к более раннему времени. Проникновение и внедрение среди данной народности религиозных верований и сопутствующих им культурных влияний требует продолжительного времени. Во всяком случае осетино-сирийская надпись 1-ой половины XIV в. для нашей темы имеет особо важное значение, доказывая идентичность средневековых двалов и осетин.

К вопросу о Двалах. Территория Двалетии

Говоря о территории Двалетии, прежде всего следует упомянуть о локализации тех племен, о которых сообщают древние авторы (Плиний Старший, Птоломей), и под которыми можно подразумевать двалов. Но нужно помнить, что античные авторы имели туманное представление о племенах Северного Причерноморья и Кавказа, что признают такие авторы, как Плиний, Страбон.

У Плиния (II в. до н. э.) мы читаем: «Пространство между Танаисом и Нарбоном, обращенное к северу, неизвестно нам по настоящее время... Нужно полагать, что говорящие или пишущие что-либо об этих странах сами ничего не знают и рассказывают басни»... Страбон пишет: «...Неизвестность господствует и относительно прочих северных стран, лежащих далее, ибо мы не знаем ни бас-тарнов, ни савроматов и вообще никого из живущих выше Понта». И у последующих античных писателей, в том числе у Птолемея, не было точных представлений о народах Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Поэтому к сообщаемым ими сведениям нужно относиться сугубо критически.

Все это хорошо знает и В. Н. Гамрекели. Он говорит: «Знакомство с античной историко-географической литературой убеждает, что античные писатели к I в. н. э. вообще не могли дать обоснованную и убедительную характеристику отдельных мелких племен Северного Кавказа. Все их свидетельства в этой области часто лишены реального основания, основаны не на непосредственном знакомстве с фактами и описываемыми объектами, а имеют своим источником домыслы авторов или устные рассказы некомпетентных третьих лиц».

Тем не менее, вопреки сказанному, В. Н. Гамрекели, основываясь на сообщениях Плиния и Птолемея о талах и валах, делает не обоснованный ничем другим вывод, что двалы на рубеже нашей эры занимали среднюю часть северо-кавказской равнины и предгорий. «Как видно из свидетельства Плиния и Птолемея, — пишет он, — она (т. е. «Северная сторона центральной части Кавказских гор») была фактически заселена «тал-валл-валами», т. е. двалами».

У Плиния упоминаются одновременно два этнонима, под которыми можно подразумевать двалов.. О талах он пишет: «Сзади него (г. Питиума) в Кавказских горах живет сарматский народ — эпагериты, а за ними — савроматы. К последним бежал Митридат при императоре Клавдии. Он рассказывал, что в соседстве с ним живут талы, которые с востока доходят до устья Каспийского моря». Из сообщения Плиния видно, что источником его был Митридат, долгое время после пленения проживавший в Риме. В. Гамрекели сближает название талы с осетинским названием двалов — туал(та).

О племени валлов Плиний пишет: «...От Кавказских ворот в Гурдинских горах живут валлы и суавы, племена, незнакомые с культурой, однако умеющие добывать золото в рудниках». Сведения эти о валлах Плиний почерпнул от военачальников, совершавших поход на Кавказ, и ситуационных карт, о которых он сам упоминает ниже.

При оценке приведенных сведений Плиния о таллах и валлах приходим к заключению, что, во-первых, Плиний следовал своим источникам, не имея точного представления о племени, о котором шла у него речь, что первый источник— устные рассказы Митридата о таллах заслуживают меньшего доверия, чем источник, в котором сообщается о валлах {военные карты}. Потому пределы расселения талов (до Каспийского моря) указываются совершенно произвольно и не подтверждаются никакими другими источниками. В. Н. Гамрекели привлекает это сообщение Плиния, локализирующее талов до Каспийского моря, с целью подкрепления своей ничем не обоснованной концепции, по которой в начале нашей эры и на равнинах Северного Кавказа обитали не аланы, а двалы. Если бы двалы были столь многочисленными племенами, занимавшими такую обширную территорию, то о них писали бы и другие античные авторы, и в первую очередь такой сведущий географ, как Страбон, который в своей географии даже не упоминает о самом существовании двалов. Неизвестны двалы и другому выдающемуся автору, Тациту, дающему ценные сведения о сарматах Северного Кавказа.

Более реальными являются сведения о местожительстве валлов— от Кавказских ворот и далее на запад. Что Кавказские ворота, т. е. Дарьяльский проход мог быть конечным пунктом с севера территории валлов — это не противоречит тем данным, которые известны в последующей литературе о Двалетии. Однако, вызывает отождествление названия «Гординские» горы с Куртатинскими горами. По меньшей мере сомнительно, что и название «Куртатикское» существовало во время Плиния. По преданиям местного населения, название это произошло от Курта, родоначальника куртатинцев, поселившихся здесь не ранее XIV в.

Птоломей помещает валлов между «Керванскими горами и рекой Ра» { т. е. Волгой). Локализация эта лишена всякого правдоподобия и лишний раз показывает, насколько географические представления древних авторов были далеки от действительности. Ошибка уже отмечалась в литературе (Томашек). Тем не менее сведения Птолемея В. Н. Гамрекели приводятся для доказательства того, что двалы в начале н. э. заселяли не только горы, но и низменность Северного Кавказа.

О территории двалов имеются некоторые указания в армянской географии VII в. В ней они называются в перечне мелких племен в районе Дарьяла. По-видимому, география помещает их выше Дарьяла, на той территории, которая, по следующим данным, исторически относилась к Двалетии, Сведения о территории двалов содержатся в «Памятнике эриставов». Прежде всего, в нем ясно указывается, что двалы обитали не только на северном склоне хребта, но и на юге от него. Упоминаются «нижние» двалы, «черные» двалы (по-видимому, в противоположность «белым двалам» Магран-Двалети), кошкоосебурцы, тамсис-мтисельцы, згубиро-рокцы. В числе других мест упоминается Тлисис-хеви. Таким образом «Памятник» ясно локализует двалов по ущелью, в районе Кошки (Ванели), Рок, Згубир. Встает вопрос; обитали ли двалы в Джавской котловине? В. И. Гамрекели решительно утверждает, что в период XIII—XIV вв. здесь двалов не было. Что в «Памятнике эриставов» нет упоминания о населенных пунктах Джавской котловины, это еще не значит, что там двалов не было.

«Памятник» не является географическим руководством, описывающим все населенные пункты ущелья Б. Лиахви и других ущелий. О населенных пунктах упоминается в связи с происходившей там борьбой между двалами и эристами. А эта борьба большей частью происходила в глубине ущелий. Поэтому в «Памятнике» упоминаются лишь населенные пункты высокогорной зоны — Тли, Згубир и т. д. Наконец, в «Памятнике» дается ориентир для определения южной границы Двалетии. В нем читаем: «Войска Шалвы сожгли и разрушили все замки от Трусо до Ачабети». Эти слова дают основание для вывода, что территория Двалетии простиралась с севера на юг в пределах Трусо — Ачабети. Нельзя сказать, что южная граница Двалетии всегда, на протяжении веков, оставалась стабильной. Этому должны были препятствовать повторявшееся передвижение населения с гор на равнину (а временами и в обратном направлении в связи с нашествиями внешних врагов) и происходившая ассимиляция горцев-осетин грузинами. Эта ассимиляция происходила на протяжении многих веков. Малоземелье гнало горцев на равнину, где они быстро растворялись среди грузинского населения, о чем свидетельствуют фамильные названия и предания. Не говоря уже о многочисленных огрузиневших осетинских фамилиях (с окончанием на «швили»), рассеянных в Картли и даже в Кахетии, есть грузинские фамилии, сохранившие память о своем осетинском происхождении. Таковы, например, в Цхипвальском районе фамилии Касрадзе, Церадзе, Окропиридзе и др. В подавляющей своей массе же ранее ассимилировавшееся население давно утратило всякое воспоминание о своем осетинском происхождении. При таком положении неправильно было бы предположить, что на юге Двалети исторически прочно установилась демократическая этническая линия. Грузинскому влиянию до известной степени подверглись и оставшиеся в горах осетины. В связи с этим

можно дать объяснение сообщению Вахушти о том, что до переселения осетин в Магран-Двалети жили грузины. Поскольку Магран-Двалети искони являлась частью Двалетии, в этих грузинах следует видеть двалов, испытавших грузинское влияние.

Трудно сказать, в какой степени произошла эта «картизация» двалов Магран-Двалети, но из всех данных явствует, что двалы здесь всегда сохраняли свою этническую самобытность. Двалетия всегда, несомненно, имела этнические и культурные связи с равниной. В частности, она имела такие связи с такими пунктами, как Цхинвали.

С последним она имела не только экономические, но и административные связи. Так, по сообщению грузинской хроники в царствование Луарсаба II (1606—1616) правителем Цхинвали и Двалети был Георгий Саакадзе.

О территории Двалетии наиболее конкретные сведения дает «География» Вахушти. «Выше уже были приведены сведения об этой Двалетии,— пишет Вахушти, — которая разделяется на ущелья и называются они так; Кзсрис-Хеви, Зарамага, Жгеле, Нара. Заха, Трусо, Маграндвалети и, кроме того, жители Большой Лиахви, Кснис-Хеви и Кударо тоже суть двалы, выселившиеся из этой Двалети»⁶³. По-видимому, эти последние ущелья Вахушти не считает исконной территорией двалов. Однако здесь нельзя не отметить, что по данному вопросу Вахушти находится в противоречии с «Памятником эриставов», по сведениям которого двалы обитают в ущелье Б. Лиахви еще в XIII—XIV вв., т. е. это ущелье в средние века составляло часть Двалети. В грузинских источниках с древнего времени нередко упоминается о «пути Двалети», по которому совершались походы или переходы на север. Этот путь шел по ущелью Большой Лиахви и вел к перевалам. Иногда он назывался «путем Ачабети». Так, «Картлис цховреба» сообщает; «Вернулся из Имеретин царь Георгий и, узнав об измене двалов эриставу Ксанскому, разгневался и пошел против них. Двинулся он по пути Ачабети». Другой путь вел по ущелью притока Б. Лиахви Паца и выходил через перевал в ущелье р. Джоджора (Кударо). Эти пути показывают, что территория, по которой они проходили, с древнего времени была заселена двалами и называлась Двалети. Территория эта включала не только верховье Б. Лиахви (Магран-Двалетии), но, как видно из сведений «Памятника эриставов», простиралась ниже, примерно до Ачабети.

К территории Двалети Вахушти относит и Хеви, т. е. ущелье Терека выше Дарьяла (нынешний Казбекский район). «Но ущелье, которое мы описали в Картли,— говорит он, — также принадлежит Двалети, но так как карт-лийские цари прочно овладели ею, то назвали ее именем Хеви». Это сообщение Вахушти согласуется со сведениями Плиния и анонимной армянской географии VII в., локализующими двалов в районе Дарьяла. Картлийские цари, очевидно, в политико-стратегических целях считали необходимым овладение этим ущельем.

Ученые-путешественники Гюльденштедт и Клапрот дают краткие сведения о Двалети. Гюльденштедт локализует Двалети (у него Дванета) на реке Джоджора (у него Джоджо) и перечисляет ряд населенных пунктов в Кударском ущелье и отчасти в ущелье р. Паца, притока Б. Лиахви (Джавистави, Машхара, Чесельта). По словам Клапрота, «Двалети в широком смысле этого слова есть общее название всех южных осетин, поскольку они принадлежат Грузии или Имеретии». Однако собственно Двалети он также помещает на р. Джоджора, повторяя те же названия сел, какие перечислял Гюльденштедт. Названные ученые, хотя и не дали специального исследования о Двалети, но внесли корректив в «Географию» Вахушти, называя Кударо основной территорией Двалети. Говоря о территории Двалети, отметим, что акад. И. А. Джавахишвили в своем труде «Границы Грузии» дает лишь самое общее указание на территорию Двалетии, локализуя ее между двумя хребтами — главным и боковым, считает ее северной пограничной стороной Грузии. Он пишет, что «с древних времен Двалетия принадлежала Грузии, на эту границу особое внимание было обращено с XII в.».